

Ирина Верехтина

На другом берегу

16+

Ирина Верехтина
На другом берегу

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Верехтина И.

На другом берегу / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История о жизни, которая - словно кораблекрушение. Когда всё, что было для тебя дорого, словно смыло гигантской волной - стоит ли собирать обломки? Стоит ли плыть дальше? Стоит ли жить?

Содержание

Часть первая. Крушение надежд	6
Глава I. В любви и согласии	6
Глава II. Улыбка Джоконды	8
Глава III. Семейная жизнь. Начало	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Эта история случилась давно – во времена, когда ещё не было сотовых телефонов и общение не было столь телеграфно–безликим, оно было живым и доставляло куда больше удовольствия. И не боюсь сказать, общались тогда интересней, и встречались чаще, и дружили крепче. А может, мне просто жаль моей молодости, которая, как и дружба, уходит от нас навсегда. Нам остаются только воспоминания. И с каждым прожитым годом они становятся светлей...

Часть первая. Крушение надежд

Глава I. В любви и согласии

Медея Метафиди

Тысячи людей живут, не имея ни малейшего представления о походах выходного дня, без которых Марина не представляла своей жизни. Ходить в походы она начала случайно – пригласила подруга, Марина согласилась из любопытства, а потом её, что называется, затянуло.

Сменив несколько групп, Марина выбрала наконец свою, с дружной компанией и необыкновенными маршрутами. Она побывала в красивейших местах Подмосковья, о которых раньше не имела представления: в непролазной дремучей Мещоре, в долине родников (Марина насчитала их тридцать два) на реке Киреевке, на затерянном среди болот озере Чаек, на водопаде Гремячем с целебной радоновой водой.

Поначалу у нее болели непривычные к лесным дорогам ноги (километраж был нешуточный), но Марина быстро втянулась в походный ритм. В группе ей нравилось всё: и крепкий спаянный состав, и «бодрящий» темп, и руководитель. У руководителя было былинное имя – Илья Святославович, и былинная же внешность. Он словно сошёл с картины «Три богатыря» – густой чуб цвета спелой ржи, такие же ржаные усы и синие весёлые глаза – словно два бездонных омута.

Впоследствии выяснилось, что у «русского витязя» половина родни была из немцев, другая половина из эстонцев, но Марине к тому времени было уже всё равно: она влюбилась в Илью, что называется, по уши.

Илья Святославович Кестель нравился не только Марине – по нему украдкой вздыхал весь женский состав группы, и каждая втайне мечтала: «А вдруг он выберет меня?» С появлением Марины вопрос зазвучал по-другому: «А вдруг он выберет её?» Ведь Марина была красивой, и знала об этом.

Отец Марины, Харалампий Метафиди, был обрусевший грек, а мать – чистокровная еврейка, черноволосая, с горящими глазами и царственной осанкой, настоящая Саломея, как говаривал отец. Она была на десять лет старше Харалампия, который женился на ней по любви. «Да, женился! И за семнадцать лет ни разу об этом не пожалел! – с гордостью признавался Харалампий друзьям. Он преподавал историю искусств в ***ском институте, и Марина никогда не задумывалась о выборе профессии: она будет искусствоведом, как папа. Марина гордилась отцом.

По-настоящему Марину звали – Медея, так было написано в её свидетельстве о рождении: Медея Харалампиевна Метафиди. У неё и лицо было как у Медеи: нездешнее, матово-гладкое, с резко очерченным ртом, изящно вылепленным подбородком и огромными – в поллица – глазами цвета мёда. Глаза словно жили на лице сами по себе, сверкая из-под длинных, вразлёт, бровей. При росте сто шестьдесят четыре сантиметра Марина вовсе не казалась маленькой – так гармонично была сложена.

Только имени своего стеснялась, и когда в шестнадцать лет получала паспорт, хотела сменить его на Марину. Но отец, всегда спокойный и рассудительный, узнав о её решении, вышел из берегов (по определению мамы) и устроил грандиозный скандал. Перечить отцу в семье было не принято, и в паспорте она осталась Медеей, хотя представлялась всегда – Мариной.

В доме царили любовь и согласие, и детство Марины было счастливым. Харалампий относился к жене с нежностью и уважением, всегда называя полным именем – София (по-гречески «мудрая») и никогда – уменьшительным, и часто повторял друзьям: «Я никогда не жалел, что женился на моей Софии, и всю жизнь буду гордиться женой!»

«Пожалел» отец через год, когда Марине исполнилось семнадцать.

Чему быть, того не миновать

Ты должна меня понять, – втолковывал Харалампий дочери, но семнадцатилетняя Марина впервые в жизни не желала понимать отца. Харалампий собрался в Грецию, где у него, оказывается, осталась какая-то дальняя – седьмая вода на киселе – родня, и Харалампий решил начать жизнь заново. Марининой маме в этой новой жизни места не нашлось – отец уезжал без неё.

На вопрос «А как же мама?» Марина услышала: «Ты уже большая девочка. Пора тебе жить самостоятельно. Вот там и попробуешь».

Марина ехать в Грецию отказалась наотрез. Мать, напротив, приняла решение отца спокойно. «Я всегда знала, что когда-нибудь это случится, – сказала она Марине. – Он ведь моложе меня на десять лет, ему всего тридцать семь, а мне – под пятьдесят. Да и как я могу ему запретить? Чему быть, того не миновать. Зато я восемнадцать лет прожила в раю!»

Оказывается, отец на десять лет моложе мамы, – удивлялась Марина. – А выглядит старше! А мама – выглядит моложе, и красивая, как настоящая Саломея! Как же он может – бросить её и уехать?! Марина удивлялась, мать молчала, отец оформлял документы на выезд – на себя и на дочь. Проблем с оформлением не было – отцу прислали из Греции вызов.

– Я. Никуда. Не поеду! – ледяным голосом отчеканила Марина. Она никогда не позволяла себе такого тона с отцом. Отец взорвался (чего он тоже никогда себе не позволял).

– Но почему? Почему?! Не понравится – уедешь. Но тебе непременно понравится. Подумай, сколько поколений твоих предков жили на этой земле! Это наша с тобой страна, наши с тобой истоки... А мама останется здесь, она сама не хочет ехать. Я каждый месяц буду присылать деньги, мама ни в чём не будет нуждаться, я обещаю! Устроюсь на работу и буду присылать... Что ты так расстраиваешься? Мама у тебя есть, она никуда не денется, будете переписываться, а захочешь навестить, я денег дам, мне для тебя не жалко, – уговаривал Харалампий строптивую дочь.

– Мама у меня есть, – перебила отца Марина (первый раз в жизни! А раньше всегда выслушивала до конца). – Мама есть, а папы больше нет! – захлебнувшись слезами, выкрикнула Марина в лицо отцу. Она стояла перед ним и плакала. И никак не могла успокоиться. Это так больно – потерять навсегда отца, а она – вот сейчас – его потеряла. Если он может так с мамой, то ей, Марине, не нужен такой отец.

От слов дочери Харалампий окаменел. – «Не поедешь, значит?» – переспросил он почему-то шепотом. Марина помотала головой (говорить она уже не могла). Отец издал горлом странный звук, и Марина с ужасом поняла, что он плачет. Сколько помнила себя Марина, она никогда не видела его слёз. «Не надо, папа. Мужчины не плачут» – сказала отцу Марина.

Харалампий улетел через три дня. В аэропорт Марина не поехала. А вечером маму увезла «скорая».

Глава II. Улыбка Джоконды

Разговор с всевышним

Обширный инфаркт в сорок семь лет! Рановато... – удивлялись врачи. Марина не удивлялась, приезжала в больницу ежедневно и упрямо ждала у дверей кардиореанимации, где лежала мама. Посетителей в реанимацию не пускали, и ей приходилось подолгу сидеть на неудобном стуле, ожидая, когда выйдет врач. Врач выходил и каждый день говорил одно и то же: «Состояние больной стабильно тяжёлое. Мы делаем всё возможное, но вы же понимаете, мы не боги. Будем надеяться...»

– Вот, возьмите, – Марина протягивала врачу букет. – Это мамины любимые. Хризантемы.

– Девушка, ну зачем вы тратитесь – каждый день букет, это ж сколько денег! Вы, может, миллионерша? Зима на дворе... Я вам говорил, что в реанимацию цветы нельзя?

– Говорили, – эхом отзывалась Марина. – Возьмите. Пожалуйста! Если маме нельзя, поставьте у себя...

– Да у меня и так уже два букета стоят, вчерашний и позавчерашний!

– А вы поставьте сегодняшней! – грустно улыбалась Марина. Врач с тревогой вглядывался в её огромные глаза, запавшие щеки.

– Вы завтракали? Ели что-нибудь сегодня? Нельзя же так, вы же заболаете...

– Завтракала, – соврала Марина врачу.

Еще тяжелей было Марине дома. Не зажигая света, она бродила по опустевшей квартире, переходя из комнаты в комнату, словно ища выхода. – А выхода не было! Горе обрушилось на неё внезапно, и не на кого было опереться, некому пожаловаться, не с кем посоветоваться... Марина осталась одна.

В гостиной висела леонардовская «Джоконда» (отец говорил: «Джиоконда») – отец уверял, что она похожа на Софию. Марина всматривалась в её лицо сквозь набегающие слёзы, и ей казалось, что у Джоконды исчезла с лица её вечная полуулыбка. Джоконде тоже было не радостно, но помочь она не могла. Помочь, наверное, мог только Бог – и неверующая Марина шепотом просила его оставить ей маму и не забирать её к себе.

– У меня никого не осталось, только мама! Ну, зачем она тебе? – говорила Марина невидимому Богу. – Она в тебя даже не верит! Ты с ней натерпишься, это я тебе точно говорю, я же её знаю... Вот и подумай, нужны тебе неприятности? – увещевала Бога Марина, глядя из окна их опустевшей квартиры в бескрайнее черное небо. В небе было так же, как дома – пусто и темно.

– Если тебе так уж нужна чья-то душа, можешь забрать мою, а мамину, пожалуйста, оставь. Паракало! (греч.: прошу). Ей знаешь как плохо без папы, и ты не сможешь ей его заменить, уж поверь мне на слово.

И Бог услышал Марину – и отступился. Она почернела от горя, похудела так, что казалось, светилась насквозь, но мама поправилась, и счастливая Марина привезла ее из больницы домой. Когда они уже садились в такси, дверца открылась – и врач-реаниматолог, уже знакомый Марине, положил маме на колени охапку хризантем! – «Вы любите, возьмите», – улыбнулся врач и, кивнув на прощанье Марине, поспешил в отделение, где его ждали больные.

Дома Марина первым делом прошла в гостиную и взглянула на портрет: Джоконда снова улыбалась. Значит, всё теперь будет хорошо! А ведь она, Марина, напрочь забыла обо всём! О том, что собиралась поступать в институт. О том, как ходила в походы и всю неделю ждала воскресенья, чтобы увидеть Илью! Дрожащими пальцами Марина листала купленный по дороге

домой план походов выходного дня (Марине повезло – в магазине оставалось несколько брошюр). – Вот! Кестель И.С. Послезавтра! Послезавтра она его увидит...

Маринина мама тихо радовалась, видя, как светятся глаза дочери. Пусть она будет счастлива...

Илья

В воскресенье Марина поднялась с первым лучом солнца: время сбора в группе Кестеля назначалось очень рано, в шесть пятьдесят, а в семь они уже сидели в электричке. (Свои придут, а чужие пусть спят, – смеялся Илья. – походов в «Плане» много, есть и в девять сбор, и в десять... Даже в одиннадцать есть – для тех, кто поспать любит). «Своих» собиралось человек десять – двенадцать. Когда приходило шестнадцать – это называлось «полный сбор». В группе был свой микроклимат – все друг друга знали, всем было уютно и комфортно, у костра сидели с наветренной стороны, где не было искр и пепла, – и всем хватало места, потому что костер разжигали большой и жаркий.

– Ну, нельзя же так исчезать, Мариночка! – обрадованно забубнил Илья, увидев Марину. – Ты в экспедицию уезжала, что ли?

Марина вспомнила бессонные ночи, тягостные разговоры с врачом, беготню по аптекам в поисках лекарств – и улыбнулась. Всё теперь позади. «Да, уезжала на Северный полюс!» – сказала она Илье. Он первым с ней заговорил! А раньше вообще её не замечал: пришла – молодец, а не пришла – и не надо. А теперь...

Марина не успела додумать, что теперь – и оказалась в крепких руках Ильи. Он прижался губами к Маринину уху и щекотно выдохнул: «Всё. Больше никаких экспедиций. Диктуй телефон, и отныне ты ходишь только ко мне. Это надо же, на месяц исчезла! Я из-за тебя чуть с ума не спятил – где ты, что с тобой? Ни телефона твоего, ни адреса... По всем группам тебя искал!

Он сходил с ума по ней, Марине! Он её искал! – Марина вложила тонкие пальцы в большую теплую ладонь Ильи и тихо сказала: «Больше никаких экспедиций. Обещаю».

В июле Марина с блеском выдержала экзамены и поступила на искусствоведческий факультет ***-ского института. А в августе они с Ильёй поженились, и Марина взяла его фамилию: Кестель Медея Харалампиевна. «Круто!» – только и сказал Илья, когда в его руках оказалось свидетельство о браке.

Родители Ильи на свадьбу не приехали. «Они далеко живут, почти на краю света» – объяснил Илья Марине. Объяснение показалось ей странным – не приехали, не позвонили, не поздравили...

Маринину маму замужество дочери не радовало.

– Ты его совсем не знаешь. Кто он, откуда? Что у него за душой?

– За душой у него – солнце, ветер и нехоженые километры, – рассмеялась счастливая Марина. – Я люблю его, мама! И он меня любит. Больше я ничего не хочу знать...

На самом деле, ей многое хотелось знать о муже, но Илья ничего не рассказывал, а дознаваться Марина не стала. Расскажет, когда захочет.

После свадьбы Илья перебрался к Марине: у него была семиметровая комната в общении, а у Марины – такие хоромы! Оказалось, Илья учился в аспирантуре.

– А Илья учится! В аспирантуре! – с гордостью объявила Марина матери. – А ты говорила, кто он, да где он...

Маринина мама молчала. Ну и пусть! Они теперь муж и жена, – думала Марина. – Впереди у них медовый месяц. Она возьмет с книжки деньги и купит тур – куда-нибудь на Бали, где волны лижут песок, ветер играет с лохматыми пальмами, а в маленьком уютном бунгало их ждут плетеные кресла и горящий камин.

Илью жизнь в бунгало не прельщала. – «Хочешь экзотики? – сказал он Марине. – Да пожалуйста! Только зачем так далеко ехать? Там знаешь сколько народу, на островах этих... А мы с тобой наш медовый месяц проведем вдвоем. Возьмем палатку, заберемся в лесную глушь и будем вечерами звезды считать. Только ты и я. Хочешь?»

Марине ничего не оставалось, как согласиться: она не хотела начинать семейную жизнь с размолвок и препирательств, твёрдо усвоив уроки отца: дочь должна подчиняться отцу, а жена – мужу. Она даже сделала вид, что обрадовалась предложению Ильи. А так хотелось – на Бали!..

Глава III. Семейная жизнь. Начало

Место отдыха Илья выбрал за сто сорок километров от Москвы. О том, как они туда добирались – на поезде, на автобусе, а после пешком, шатаясь под тяжестью здоровенных станковых рюкзаков – Марина старалась не вспоминать. Илья, как мужчина и глава семьи, нёс спальники, палатку и «железо» – топор, пилу, котелки и костровые принадлежности. На долю Марины оставались продукты – сахар, чай, кофе, крупа и консервы.

– Зачем нам столько еды? Сходим там в поселковый магазин и купим, – уговаривала мужа Марина.

– Ага, ходим! А потом к нам гости придут – сами им дорогу покажем. Нет уж, обойдемся. Дотащим как-нибудь... – И Марина сгибалась под тяжестью рюкзака, весившего, казалось, больше её самой...

Когда наконец добрались до места, Марина без сил опустилась на траву, испытывая райское блаженство: как хорошо, оказывается, без рюкзака! Она прикрыла глаза... Солнце пыталось пробраться сквозь ресницы, гладило тёплыми лучами Мариныны щёки, это было невыразимо приятно...

Когда она открыла глаза, уже смеркалось. Под большой раскидистой берёзой стояла их с Ильёй палатка, заботливо накрытая полиэтиленовым пологом – на случай дождя. Сноровисто орудуя топором, Илья сооружал из тонких жердей «столовую» (и когда успел нарубить!), обтягивая столбики полотнищем полиэтилена (и как он столько плёнки дотащил!). У него получалось – здорово.

Натянув «потолок», Илья вбил в землю столбики поменьше – и скоро в столовой появился стол со скамейкой. Для посуды Илья смастерил этажерку. Со светом проблем не было – в рюкзаке Ильи нашлось три упаковки батареек и два мощных фонаря.

– А я свечи взяла, целую упаковку! И спички! – сообщила Марина мужу.

– Молодец! – похвалил её Илья. – Ужинать будем при свечах! – И оба остались довольны друг другом.

Место Илья выбрал сказочное: с трёх сторон палатку обступал лес, с четвертой – сбегала с высокого обрыва едва приметная тропка. Снизу доносился шум реки и тянуло прохладой. Марина отправилась на разведку и метрах в пятидесяти выше по течению обнаружила маленькое круглое озерцо, со дна которого клубами поднималась вода – на дне бил мощный ключ. Марина зачерпнула ладошкой воду. Вода оказалась необыкновенно вкусной и очень холодной – от неё ломило зубы.

– Илья, Илья! Ко мне, скорее! – завопила Марина, и когда он прибежал – запыхавшийся и с молотком в руке – с гордостью объявила: «Я нашла родник! Вот, смотри! А ты чего такой бледный?»

Илья очумело затряс головой, приходя в себя.

– Да я испугался до смерти, думал, с тобой случилось что, или зверь какой... Родник она нашла, Америку открыла! – прыснул Илья. – Да я потому и устроил здесь бивак, чтоб вода ключевая рядом, как на курорте.

– Так ты поэтому с молотком прибежал? Меня спасти? – хохотала Марина. Ей уже начала нравиться идея Ильи провести медовый месяц в лесу. У них впереди весь август... Только бы не пошли дожди!

Марина беспокоилась зря: дождей почти не было. Зато ночи оказались неожиданно холодными. Теплолюбивая Марина не могла согреться даже в теплом спальнике. Она бы с удо-

вольствием спала в подаренном мамой шерстяном костюме и в куртке. Но Илья не позволял – ни куртки, ни костюма. – «Медовый месяц всё-таки, имей совесть!»

К утру Марина замерзала так, что спать больше не могла, и поднималась с первыми лучами солнца, не выспавшаяся и несчастная. Осторожно вылезала из палатки, чтобы не разбудить сладко спящего Илью. Торопливо натягивала на себя одежду, вздрагивая от падающей с кустов ледяной росы. Разжигала костёр и варила уже порядком надоевшую кашу, с трудом держа поварёшку в непослушных от холода пальцах.

Взятых на месяц продуктов им хватило на неделю, и Марина с Ильёй ходили за восемь километров в деревенский магазин-сельпо. В магазинчике скучала за прилавком толстая деваха марининых лет. Продавались здесь мука, крупа, соль и макароны. И рыбные консервы в железных банках, которые они с Ильёй не стовариваясь обходили стороной. «Не трогай – взорвётся!» – пошутил как-то Илья, и продавщица обиделась: «Ничего не взорвутся, консервы свежие, с чего им взрываться-то!»

Мясных консервов в магазине не было. В нём много чего не было, даже хлеб привозили раз в неделю и продавали только своим, деревенским. Но Марине с Ильёй продавщица оставляла буханку (одну на двоих). Они сушили сухари и ели их как лакомство, понемножку, но им всё равно не хватало. Молоко у них было – сухое. Масло – растительное. Овощи–фрукты (то есть ягоды и грибы) они собирали в лесу. В мелководной быстрой речке Илья ловил рыбу – тоже мелкую, и Марине приходилось её чистить: Илья обожал уху. Картошку для ухи тоже чистила Марина. И посуду мыла в реке – с ледяной от близкого ключа водой. И котелок драила...

– Ты песку сырого возьми, песком хорошо ототрёшь, – учил жену Илья. И действительно, котелок отчищался до блеска, а вот Маринины руки... Ладони загубели, пальцы потрескались от холодной воды, рыбы плавники больно кололись.

Мылись они с Ильёй тоже в реке, и для Марины это стало настоящей пыткой: длинные волосы плохо промывались в холодной воде, Марина подолгу возилась с ними, и голову словно стискивало ледяным обручем. Кипятить воду для мытья Илья не считал нужным: «Котелки маленькие, это ж сколько раз кипятить! Что ты как маленькая! Холодно ей... Лето на дворе! Не знал, что ты такая неженка. Это ж здорово полезно, вода–то ключевая, от неё волосы будут лучше расти!». А вода и в самом деле была – ледяной.

Марина молча терпела «полезную» воду, как научилась терпеть ночные холода и невкусную кашу без масла. Масло у них давно кончилось, кашу ели с ягодами, собранными в лесу. «От них сплошная польза, а от масла один вред!» – говорил Илья. Марина не понимала, какой вред может быть от растительного масла, но спрашивать не решалась...

За месяц она похудела, роскошные медно–бронзовые волосы поблёкли. Илья ничего не замечал. Август выдался жаркий, солнце пекло, как печка, но стоило Марине войти в воду – жару как рукой снимало: вода была ледяная. Илья купался с удовольствием и очень обижался, когда Марина отказывалась. – «Что ты как маленькая, – обиженно гудел Илья, – раздевайся, кому сказал!» – «Я сейчас, только купальник возьму», – обреченно соглашалась Марина, понимая, что купания избежать не удастся. Но Илья уже стаскивал с неё сарафанчик, бормоча: «Какой купальник? Зачем тебе купальник?», и загонял Марину в воду, наставительно поучая: «Двигайся. Плавай – и быстро согреешься!»

Марина изо всех сил молотила по воде руками и ногами, но согреться почему–то не получалось.

– Что ты как маленькая, – ворчал на жену Илья. – Ты кулачки–то разожми, кто же гребёт кулаками? И ногами работай! Топор – и тот лучше тебя плавает!»

– Ой, не смейся, а то утону! – отбивалась Марина.

– Я тебе утону! Только попробуй!

– Всё, я больше не могу. Я выхожу, – объявляла Марина. И слышала в ответ:

– Как это – выхожу? Ты же только что вошла. Закаляйся, привыкай! Такая водичка бодрящая, сплошная польза! – уговаривал жену Илья. – Ну давай, ещё три минуты – и ты выходишь.

Через три минуты счастливая Марина неслась по крутой тропинке наверх, к лагерю. Илья восхищенно смотрел ей вслед... Натянув шерстяной костюм на голое тело, как учил Илья, Марина, блаженно улыбаясь, спускалась вниз. В костюме было тепло.

Этот костюм – с белыми яхтами, голубыми волнами и оранжевыми пальмами – ей прислал отец, которому мать тайком от Марины написала о свадьбе дочери. Ещё в посылке обнаружился расшитый шёлком сарафанчик, умопомрачительно красивое бельё и бело-золотой купальник – очень «смелый». Всё это Марина взяла с собой.

– Согрелась? – заботливо спрашивал Илья. – А здорово, правда? Здорово?

– Здорово... – эхом откликнулась Марина.

Илья оказался прав: Марина привыкла к ледяному купанию и даже научилась получать от него удовольствие. Вода вонзалась в кожу тонкими иголочками. – «Словно в нарзане плаваешь, вода щиплет!» – смеялась Марина. Теперь она сама приглашала Илью – «Пойдём, окунёмся?» – и скинув кокетливый сарафанчик, вприпрыжку спускалась к воде. Илья восхищенно провожал её глазами... Бело-золотой купальник Марина привезла в Москву, так ни разу и не надев.

Марина постепенно втягивалась в походную жизнь, у неё окрепли мускулы и во всём теле ощущалась праздничная лёгкость.

Кроме ежедневного купания в распорядок дня входила обязательная гимнастика. Илья усердно занимался и следил, чтобы Марина не пропускала «тренировки». Гантели с успехом заменяли увесистые речные гольши. Пожалуй, они были тяжеловаты для Марины, но она не жаловалась. Между двух берёз Илья установил турник, на котором они крутились по очереди. Точнее, крутился Илья, у Марины получалось только подтягиваться – два раза, третий не получался, и ей было стыдно перед мужем. Напротив, Илья был доволен «спортивным результатом», не скупился на похвалы и понемногу увеличивал нагрузки. Марина старательно пыталась на перекладине по нескольку раз в день... и через неделю подтягивалась три раза! А потом у неё получилось – четыре. А потом...

...Примчавшись на её отчаянный крик, Илья оцепенел: Марина сидела под турником, не делая попыток подняться. Шорты измазаны травяной зеленью, руки бессильно опущены. Илья на деревянных ногах подошёл к жене, положил ей на плечи тяжелые ладони. Марина не шевельнулась, и Илье показалось, что у него остановилось сердце...

– Разбилась?! – выговорил он непослушными губами. – Мариночка, девочка моя, милая моя! Говорил же тебе, не крутись, нельзя так сразу... Говорил? Не бойся, я не сделаю больно, я осторожненько... Так. Руки целы – облегчённо выдохнул Илья. – Рёбра все на месте (при проверке рёбер Марина дёрнулась, и Илья «проверил» ещё раз). Теперь займёмся ногами... Не бойся, я только посмотрю.

Но Марина выдернула из рук Ильи босую пятку, больно лягнула его в плечо и со смехом вскочила на ноги. – «Ой, я больше не могу, щекотно! Семь раз! Семь раз за одни подход! – объявила Марина остолбеневшему Илье.

– О майн готт! – только и смог сказать бледный как бумага Илья, вытирая со лба крупные капли пота.

Вносила свою лепту и Марина. Как-то утром Илья с удивлением наблюдал за женой, ползающей по траве на коленях. Марина выкладывала из белых камешков правильный круг, измеряя диаметр хворостиной (мало ей серых, ей непременно белые нужны, это ж ещё найти надо!). Потом целый час таскала из леса сосновые шишки (мало ей еловых!) и складывала в круг.

– Что у нас тут будет? Песочница? Жаль, мы формочки не взяли, – улыбнулся Илья.

– Будет танцплощадка! – непонятно ответила Марина, старательно топтавшаяся по шишкам в кедах. – Обувайся и иди сюда, сможешь утрамбовывать.

Удивлённый Илья надел туристские ботинки и по требованию жены прыгал по шишкам, чувствуя себя полным идиотом. И удивился ещё больше, когда Марина сняла кеды. – «Включай музыку и будем танцевать. Объявляю белый танец!». Илья молча принялся расшнуровывать ботинки.

Стоять босиком на каменно–твёрдых ершистых шишках оказалось непросто: они перекачивались под ногами и немилосердно кололись. Илья кошкой выпрыгнул из круга, но Марина ухватила его за руку.

– Ну, куда же ты? Это неэтично– бросать партнершу, когда танец ещё не кончился. Потанцуй со мной, хоть пять минут. Пять минут, и я тебя отпущу, – упрашивала мужа Марина. – Это же сплошная польза!

Ходить босиком по шишкам Марину научил когда–то отец – в своей манере, крепко держа дочку за руки и не слушая её протестов («Знаю, что больно, зато полезно. Надо потерпеть, потом привыкнешь»). Марина не хотела терпеть и поджимала ноги, хитрый Гиоргос моментально отпускал руки, и девочка приземлялась на попу – довольно чувствительно, если учесть, что падать ей приходилось на шишки. – «Ну, пап! Больно же!» – «Прости, дочка, не удержал, ты такая тяжёлая... Много кушаешь, а папа виноват?».

Помня свои ежедневные мучения на турнике, Марина мстительно соблюдала «методику обучения»: крепко держа мужа за руки, с улыбкой наблюдала, как он топчется по шишкам, морщась от боли. В конце концов, Илья вырвался и с позором покинул «танцплощадку»...

Марина не представляла себе, что их с Ильёй медовый месяц будет таким разнообразным. Весь день они были чем–то заняты, так что свободного времени почти не оставалось. Илья ловил рыбу, которую требовалось вялить, и Марина развешивала её веревке, хитроумно зашитую в марлевые мешочки – от мух. Много времени отнимала кухня – Марина возилась там весь день: резала, чистила, варила и пекла, скребла стеклянным осколком дощатый стол, отмывала до блеска котелок...

Аппетит у Ильи был зверский. Марина, весь день крутившаяся как белка в колесе (от речки к лагерю, от лагеря к речке), вечером с трудом могла проглотить несколько ложек ухи и откладывала ложку...

Ещё они ходили за грибами. Ещё – собирали малину и, притащив из магазина сахару, варили варенье. С упоением и азартом заядлых картёжников играли в карты – на желание (желания у обоих совпадали...)

Ещё они устраивали танцы. Илья научил Марину танцевать чарльстон и степ (получалось – смешно), и даже русскую «барыню». Марина показала мужу традиционные движения греческого сиртаки. А однажды, расшалившись, станцевала для Ильи комитэке –античный «танец волос», который в Древней Греции танцевали нагими, но Марина надела купальник, распустив свою медно–рыжую гриву и укрывшись волосами до пояса.

– Эй, где ты? – шутя окликнул её Илья. – Раз, два, пять, я иду искать! – Но Марина с хохотом от него убежала.

К вечеру оба так уставали, что валились с ног. – «Ничего себе, тихий отдых. Тихий ужас!» – смеялась Марина. – «Русский экстрим!» – уточнял Илья.

Когда медовый месяц закончился и они вернулись в Москву, Марина бросила на пол рюкзака (опять неподъёмный, потому что они привезли варенье из лесных ягод, сушеные грибы, орехи, вяленую рыбу – и всё это пришлось тащить на себе) и с наслаждением погрузилась в горячую ванну. И лежала, пока не остыла вода.

Глава

IV

. Семейная жизнь. Продолжение

Последствия экстремального медового месяца были ужасны: вторая беременность у Марины закончилась выкидышем, как и первая. Тогда она молчала, а Илья сидел на стуле у её кровати и плакал. Слёзы текли по небритым щекам, и Марина была благодарна ему за эти слёзы, и за молчание. В палату заглянула медсестра, хотела что-то сказать, но увидев эту сцену, тихо вышла и прикрыла за собой дверь.

Марина тогда не сказала мужу ни слова, проплакав после его ухода весь день. И вот – всё повторилось. Марине категорически запретили рожать. «Какой тебе ребёнок, ты на себя посмотри! Сама ещё школьница» – сказал Марине врач.

– Я не школьница, я в институте учусь, – оправдывалась Марина.

– А весишь сколько? Как ты вообще забеременеть умудрилась? Я тебе, девочка, плохой диагноз поставил. Истощение – и физическое, и нервное! И рожать тебе нельзя. Пока нельзя, во всяком случае.

– Да какое у меня истощение! – возмутилась Марина. – Я в походы хожу, с рюкзаком! А нервы знаете какие? Что хотите выдержу, и никто не догадается, чего мне это стоило! – сказала Марина врачу.

– Вот потому и истощение... – непонятно ответил врач.

Из женской консультации Марина вернулась с каменным лицом. На мамины вопросы отвечала нехотя: «Да всё нормально, мама». А когда вернулся с работы Илья, в слезах повисла у него на шее. Илья осторожно расцепил её судорожно сведенные пальцы и посадил Марину к себе на колени, баюкая как ребёнка и нащёптывая ласковые слова.

Марина, изнемогшая от слёз, уже не плакала, только всхлипывала, по детской привычке утирая кулаком нос. Укачивая Марину, уютно устроившуюся в его руках, Илья повторял как заклинание: «Всё у нас с тобой будет, и детки будут, у всех детки есть – и у нас с тобой будут... Как у всех: у собак щенята, у овец ягнята, у мышей мышата...»

– А у крыс крысята! – в сердцах сказала Маринина мама и, хлопнув дверью, ушла к себе. Она обиделась. На дочь – за то, что ничего ей не сказала, молчала весь день, отцовская кровь, Харалампия! На Илью – это он виноват, что девочка родить не может! Довёл! Сам здоровый как шкаф, а Марочка истаяла совсем. На себя – за то, что молчит и всё это терпит.

За захлопнутой дверью рассмеялись...

Через год Марина родила девочку – такую крошечную и слабенькую, что Марину выпи-сали из роддома без неё. – «Ребёнка мы Вам пока не отдадим, у себя подержим. У неё даже сосательный рефлекс отсутствует!» – сказали Марине с возмущением, словно она была виновата.

Но главная беда ждала впереди: девочке поставили страшный диагноз – олигофрения. Кроме этого, у маленькой Анечки обнаружили аневризму межсердечной аорты, которая ни в чём пока не проявлялась, и Марина не поверила врачам. Но они оказались правы. Девочка подрастала, и страшные симптомы подтверждались с каждым днём: недоразвитие речи, неустойчивость внимания, замедленность восприятия, малый объём памяти, отсутствие познавательных интересов...

Анечка казалась абсолютно необучаемой, но Марина терпеливо учила дочь – пить из чашки, есть ложкой, застёгивать пуговицы – и у неё получалось! Марина читала ей стихи и рассказывала сказки. Потом наступала очередь восьмилетней Ани, и девочка забавно морщила лобик, вспоминая любимую сказку... Какая же это олигофрения, если она столько запоминает?! А девочка действительно запоминала. – Марина сделала невозможное...

Илья выдержал удар стойко и не предлагал отказаться от дочери, за что Марина была благодарна мужу. Она сидела с ребёнком, а Илья работал за двоих, допоздна задерживаясь по вечерам.

– Надо же, какой заботливый, – удивлялась Маринина мама, – другой бы давно сбежал...

– Мама! – останавливала её Марина. – Что ты такое говоришь?! Илья меня любит, и Анечку любит!

И столько гордости, столько веры было в её словах, что мать наконец поверила: любит. И прописала Илью, который, после окончания аспирантуры не мог устроиться на работу по специальности – везде требовалась московская прописка. В паспортном столе Марина впервые узнала адрес мужа. Оказалось, он из Саратова. А говорил – на краю земли, вспомнилось Марине. Почему-то Илья никогда не предлагал свозить её в Саратов. Она бы поехала... Но предложение съездить в Саратов Илья вежливо отклонил: «Ну конечно, поедem. Потом». В Саратов они так и не поехали.

А время шло... Марина окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию. – «Принимай поздравления! – сказал Илья. – За мной подарок. Что тебе подарить?»

– Подари мне... два года, – попросила Илью Марина.

– А что ты с ними будешь делать? На что потратишь?

– На Мориса Тореза. Давно о нём мечтаю... Второе высшее и диплом переводчика!

– Не надоело учиться? А ты институт неслабый выбрала. Там, говорят, страшно тяжело... И диплом – только если на отлично учишься. А схватишь на экзамене тройка – получишь вместо диплома свидетельство об окончании курсов иностранного языка, а оно ничего не даёт, даёт только диплом. Ты об этом знаешь? Может, передумаешь?

Передумывать Марина не стала. Днём работала – читала лекции по истории искусств студентам консерватории. Вечерами училась (институт был вечерний).

Илья тоже работал, а все выходные проводил в походах («Твой муж – руководитель походов выходного дня Московского городского клуба туристов. Ты об этом не забыла?»), и Марина с мамой оставались одни. Анечку, у которой определили имбецильность в первой стадии, отдали в коррекционную школу–интернат для умственно–отсталых детей (Марина не хотела отдавать, но Илья настоял. Вычитал где–то, что чрезмерная родительская забота о таких детях мешает их самостоятельному становлению). Ане в интернате было хорошо, она не скучала по родителям и не просилась домой.

– Ах, мама! Ведь я ей совсем не нужна! – терзалась Марина. Илья, напротив, мало интересовался дочерью. Это была его идея – поместить девочку в интернат. На выходные Марина забирала дочку домой. Илья пропадал в походах, возвращался усталый, пропахший дымом костра, и сбросив на пол тяжёлый рюкзак, звал Марину: «Жена! Ужинать–то будем? Я голодный, как стая волков!»

Марина кормила Илью ужином, мыла посуду, разбирала брошенный в коридоре рюкзак. Марина стирала, убирала, гладила, мыла, бегала по магазинам и писала диссертацию. Ей было очень одиноко, и Марина изо всех сил старалась, чтобы муж этого не заметил. И напрасно – Илья жил своей жизнью, и Марине в этой жизни была отведена отнюдь не главная роль.

Глава

V

. Семейная жизнь. Конец

– Возьми меня с собой! – упрашивала мужа Марина. – Я сто лет не была в походе, а ты же знаешь, как я люблю – ходить! Мы же раньше всегда вместе...

– Ну...раньше! – перебил Илья жену. – Раньше ты была как все, а теперь ты жена руководителя ПВД (походов выходного дня). А я не хочу, чтобы моя жена по лесам...шастала!

(Марина голову бы дала на отсечение, что Илья хотел сказать совсем другое, но вовремя остановился. Ей стало обидно до слёз, но она сдержалась)

– А если не с тобой, если я с другой группой пойду, отпустишь? – спросила Марина.

– Сказал же, нет! Нечего тебе в походах делать, ты ребенка воспитывай. Навещай почаще, это ведь ты её такую родила! – отрезал Илья. Вот этого ему говорить не следовало. – Марина заплакала. У неё в роду олигофренов не было, она знала точно. Значит, были у Ильи? Она ведь ничего не знает о нём. Илья никогда о себе не рассказывал, а если она спрашивала, упорно отмалчивался. Это у Ильи было что-то не так с наследственностью, и в том, что Анечка родилась больной – его, Ильи, вина! – поняла вдруг Марина. – Он мог бы сказать, предупредить... А он её упрекает!

Марина очень удивилась бы, узнав, что Илья регулярно навещает дочку, привозя её любимые конфеты «Гулливвер» и пластилин, из которого девочка лепила забавных зверушек, терпеливо разминая в руках неподатливые цветные бруски. Зверушки у Ани выходили как настоящие (Марина показывала ей картинки со зверями и птицами, и девочке нравилось их разглядывать).

А однажды Анечка удивила всех: скатала привезённую Ильей упаковку пластилина в большой разноцветный комок и долго мяла его крепкими сильными пальцами, пока пластилин не стал мягким, как масло. И вылепила настоящую античную головку с античной же затейливой причёской (предусмотрительный Илья купил дочке пластмассовые инструменты скульптора)

На головку приходили смотреть воспитатели и медперсонал, даже с других этажей приходили. – «Где ты это видела? Кто это?» – приступали к Ане с вопросами. Но девочка упрямо твердила: «Это мама». На другой день Анечка благополучно забыла о головке и сосредоточенно мяла в руках пластилин, размышляя, что бы такое из него слепить. Античная головка украсила кабинет главврача – и стоит там до сих пор...

Но Марина так и не узнала об этом.

После памятного разговора с Ильёй, когда он так сильно её обидел и даже не заметил этого, Марина ни о чем не просила мужа. «Пора тебе жить самостоятельно» – вспомнила она слова, сказанные отцом. Ей и вправду придётся – самостоятельно. Илья, который когда-то не отпускал Марину ни на шаг, повсюду таская её за собой, обходился теперь без неё.

Марине вдруг вспомнился день, когда они с Ильёй, усталые и счастливые, ввалились, грохоча туристскими ботинками, в их маленькую прихожую, и Марина задорно крикнула: «Есть кто дома? Мы голодные, как стая волков!». Как причитала мама, прибежавшая с кухни на шум: «Ой, Мариночка, рюкзак-то какой! Как ты его дотащила, остановка ведь не близко!». О том, что рюкзак, набитый орехами, вяленой рыбой и банками с малиновым вареньем, она несла километров восемь по лесным извилистым дорожкам (бегущим через овраги и заросшие густой молодой порослью перелески, пересекающим ручьи и мелкие речушки), в сравнении с которыми сотня метров асфальта от остановки автобуса до дома показались Марине – усыпанным розами, маме она рассказывать не стала.

– Ой, Мариночка, дай на тебя посмотреть! Совсем взрослая стала! Другая какая-то... А похудела-то как! Илья!! – налетала мама на зятя. – Куда ж ты смотрел?!

– Ничего, были бы кости, мясо нарастёт. Это мы поправим. Вот увидите, – сказал Илья. Сбросил с плеч рюкзак (занявший добрую половину их маленькой прихожей) и протопал в ванную. Через двадцать минут его уже не было. Илья исчез на добрых два часа – и вернулся навьюченный как ишак: в каждой руке по сумке, за спиной рюкзак, под мышкой целлофановый продолговатый свёрток. – «Это тебе. Только осторожнее!»

Марина развернула хрустящий целлофан и замерла: на длинных колючих стеблях подрагивали изящные головки роз необыкновенного бордово–чёрного цвета. Чёрные розы! Её любимые... Но как он догадался? Семь роз, её счастливое число. Но ведь они очень дорогие!

Илья восхищенно смотрел на замершую от удивления Марину, стоящую с розами в руках. – Тонкие стебли цветов... Тонкие смуглые руки... Изящная головка, причудливо уложенные медные волосы... Сама как роза!

– О, Господи! Да ты весь рынок скупил, ничего не оставил, – ахнула Маринына мама.

– Не оставил, – подтвердил Илья.

Илья привёз с рынка парного мяса; целую гору золотых, пахнущих солнцем абрикосов; кусище снежно–белого, дразняще пахнущего сала; три баснословно дорогих баночки крабового мяса «Хатка»; маслянисто блестящий чернослив; зеленые оливки в красивой жестяной банке... На столе уже не осталось свободного места, а Илья всё доставал из рюкзака покупки, хитро поглядывая на жену. Он привёз всё самое Мариныно любимое, не забыл даже вяленую дыню и жареный миндаль!

– Это где ж ты столько денег взял? – всплеснула руками Маринына мама. Илья в ответ рассмеялся:

– Где взял, там больше нет!

А потом они устроили праздничный ужин по случаю возвращения домой. И до отвала наелись жареной телятины, тающей во рту, заедая мясо – Илья зеленью, а Марина – абрикосами, и запивая Мариныным любимым «Лыхны» (абхазское сухое вино из сортов винограда «Изабелла»). На десерт лакомились свежим хлебом (по которому оба так соскучились, что он казался вкуснее пирожных!), макая его в глиняную широкую миску со светлым мёдом.

Ничего не забыл Илья, купил всё самое Мариныно любимое. И когда успел изучить её вкус? Ели–то одну рыбу да кашу. Ну, ещё грибы и орехи.

Илья с любопытством наблюдал за Мариной, которая, откусив большой кусок намазанного мёдом хлеба, запихала в рот жареный миндаль и с увлечением всё это жевала, прикрыв от удовольствия глаза. А она непростая штучка! – Хлеб с миндалём, мясо с абрикосами и без хлеба... Поймав его взгляд, Марина смущённо улыбнулась: «У нас другая кухня. Не совсем русская, то есть, совсем не русская, – запуталась Марина. – Но если хочешь, я тебе... кашу сварю. С ягодами, как ты любишь. И без масла!» – добила мужа злопамятная Марина. Илья только крякнул. А мама ничего не поняла...

«Под занавес» Илья выставил на стол баночку с прозрачно–жемчужными капсулами.

– Это что, жемчуга? Твой свадебный подарок? Довесок к медовому месяцу, – не удержалась Марина.

– Куцый, дхарагхая, – с неподражаемым акцентом отозвался Илья. – Будэшь сама как жемчужина...

В баночке оказался рыбий жир в капсулах. Марина смешно надула губы и обиженно буркнула: «Ну и не буду!». (И встретила осуждающий взгляд матери: «Слушай, что муж говорит!»).

– Будэшь, дхарагхая, будэшь. Никуда нэ дэнэшься...

Марина посмотрела на Илью и поняла: никуда не денешься! И каждый день покорно глотала по две капсулы, назло мужу запивая «лекарство» «Лыхны» (Илья на провокацию не поддавался и молчал, что называется, «в тряпочку»). И каждый день стол ломился от снеди: виноград – сладкий, как мёд; деревенский творог – с рынка, в магазине такой не купишь; вяленая твердокаменная бастурма; янтарный латвийский пармезан, который в их доме ели без хлеба, положив сверху веточку Melissa или сельдерея.

И Илья опять удивлялся – куда он попал? Живут в Москве, а едят... «У нас другая кухня, – терпеливо говорила мужу Марина. – Хочешь, я принесу хлеб? Тебе какого отрезать?» – «Нет, я пожалуй попробую, как ты» – отвечал Илья.

За месяц Марина поздоровела и окрепла. Каждый день она делала непростую гимнастику, которой её научил муж. Илья оказался большим выдумщиком: в дверном проёме он ухитрился поставить «шведскую стенку», которая легко разбиралась (перекладины вставлялись в специальные пазы). С потолка в прихожей свисали гимнастические кольца (длина их легко регулировалась), а на стене их с Мариной спальни висели на крюке гантели.

Илья гонял жену в хвост и в гриву, утренняя гимнастика занимала сорок минут, вечерняя – час. Марина занималась с удовольствием и только улыбалась, когда подруги по институту с завистью говорили: «Ты тоненькая такая... А в буфете каждый день булочки покупаешь и кексы... И как в тебе всё это помещается?»

Марина очнулась от воспоминаний и длинно вздохнула. Тогда Илья любил её, и она всё время это знала, чувствовала – и была счастлива. А сейчас? Всё у них вроде бы хорошо, Илья её ни в чём не перечит, она делает что хочет. Захотела институт им. Мориса Тореза окончить – и окончила! Два года училась, Илья её ни слова не сказал (хотя был против – Марина знала). О дочке заботится, работает за двоих и ни на что не жалуется. Ну, что ещё? – Ночует всегда дома, по бабам не бегает... Марина невесело усмехнулась. Отчего же в сердце зубной болью ноет тревога?

Илья о её сомнениях ничего не знал: Марина всегда встречала его с улыбкой и не задавала никаких вопросов. Дома Илья теперь только ел и спал. И увлечённо рассказывал Марине о том, как весело провёл воскресенье. Как переходили реку вброд. Как бежали три километра, чтобы успеть на последнюю электричку. Как набрали на болотце с клюквой и всей группой собирали ягоды, осторожно раздвигая пальцами мокрый пушистый мох, под которым пряталась клюква. «Извини, – Илья развёл руками, – не принёс. Её там немного было, всю слопали!»

А Марине так хотелось попробовать! О том, как ей хотелось – собирать, она даже не заикалась. Всё решал Илья. В их доме он был хозяином, а Марина – хорошей женой. И все выходные проводила с мамой и маленькой Анечкой, которую на выходные забирала домой.

Интернат, на котором настоял Илья и которого так страшилась Марина, оказался для Анечки полезным. Здесь детей учили – и к восемнадцати годам почти все осваивали школьную программу за четвёртый класс, умели читать и писать. И считать умели! К детям здесь относились с любовью и заботой, ласково называя «даунятами». Анечке в интернате нравилось, она никогда не плакала, когда Марина отвозила её обратно.

Выходило так, что Илья оказался прав: ребёнку было хорошо, интернат приносил очевидную пользу. Девочка уже читала по слогам (дома было много книжек с картинками). И Марина смирилась. Она уступала Илье во всём, он же становился всё требовательнее, придираясь к ней по пустякам. Всё и всегда было так, как хотел Илья. Марина терпела, пока однажды вечером не раздался телефонный звонок – и Марина сняла трубку. Звонкий девичий голос попросил позвать Илюшу.

– Илью? А вы кто? – переспросила Марина, неприятно удивлённая такой фамильярностью.

– А вы? – нагло парировала девица на другом конце провода.

– Я его жена, – спокойно ответила Марина. – Вы, вообще, в курсе, что Илья женат? Что у него семья, ребёнок...

– Я – то в курсе. Это ты не в курсе, подруга.

– Это вы – мне? – опешила Марина.

– Тебе, кому же ещё! Сидишь у Ильи на шее со своей мамашей и дочкой – олигофренкой... Ещё и допросы устраиваешь по телефону. Давай сюда Илью, я же не тебе звоню!

– Да как ты смеешь... – задохнулась от возмущения Марина, но у неё из рук выхватили телефонную трубку. – «Катенька? Здравствуй, котёнок!... Ну я же сказал... Мы же с тобой

договорились... Давай не будем выяснять отношения по телефону, хорошо? В воскресенье увидимся».

С наглой девицей Илья разговаривал ласковым, просительным голосом, словно был перед ней виноват (а может, в самом деле – был). А с ней, Мариной, говорил командным тоном, не терпящим возражений. Хотя Марина редко ему возражала...

– Кто тебе звонил? – стараясь казаться спокойной, спросила Марина.

– Туристка из нашей группы.

– А знаешь, что эта туристка мне наговорила?

– А кто тебя просил с ней разговаривать? Звонили–то мне. Я же руководитель ПВД (походы выходного дня Московского городского клуба туристов), или ты забыла? Хочешь, чтобы я кашу варил и по магазинам бегал? – вскипел Илья.

По магазинам Илья не бегал, это всегда делала Марина. Даже когда она разрывалась между защитой диссертации и больным ребёнком, Илья и не думал ей помогать. Вся работу он делил на мужскую и женскую. Мужская – добывать деньги. Вся остальная – женская. При этом Илья забывал, что Марина работала искусствоведом в ***ском музее. Ещё она читала студентам лекции. Ещё брала на дом переводы из издательства – с французского и турецкого. Последний считался редким языком, переводы оплачивались дороже. Марина зарабатывала не меньше Ильи. А по вечерам училась в институте иностранных языков им. Мориса Тореза.

– Но я ведь работаю! Даже когда в аспирантуре училась – работала, и когда Анечка родилась... А этой Кате ты сказал, что я у тебя на шее сижу! А про Анечку – зачем? Она не виновата, что родилась такой, она старается, учится, лепит, рисует... – тихо говорила мужу Марина (а ей хотелось – кричать!) Ты... Ты меня больше не любишь?

– Не знаю! – зло ответил Илья. – Я в этом доме задыхаюсь. Мещанство сплошное! Вилка для мяса, вилка для рыбы, вилка для торта... По три ножа у каждой тарелки! Салфетки...

Марина остолбенела. Вилки различала даже Анечка, безошибочно выбирая нужную. И салфетками умела пользоваться, Марина её научила...

– Да как же обедать – без салфеток? Да в любом ресторане...

– Вот, вот! В ресторане! – перебил её Илья. – А я не хочу как в ресторане, я хочу нормально, по–домашнему. А ты выпендриваешься... с салфетками! (*«Господи! Далась ему эти салфетки!»*) Может, мне ещё переодеться к ужину? (*«А было бы неплохо...»*) – гремел Илья на весь дом. – Мы с тобой как чужие живём, не замечаешь?

Марина вспомнила их с Ильёй медовый месяц, пригоревшую кашу, речку с «полезной» ключевой водой и израненные рыбьими плавниками руки. По–домашнему, ничего не скажешь...

Ей вдруг стало нестерпимо холодно – как когда–то в лесу, в серых предутренних сумерках их медового месяца. С той поры прошло девять трудных лет. Неужели за девять лет она так и не разглядела, так и не поняла, с кем жила под одной крышей? Марина в отчаянии обхватила себя за плечи.

– Зачем же ты живёшь со мной, если я выпендриваюсь? Потому что тебе удобно, да? – ответила Марина за Илью. – Говоришь, как чужие живём. Но ты ведь не разрешаешь мне в походы ходить, и в отпуск ты всегда один...

– Вот только не надо отношений выяснять! Нечего выяснять, и так всё ясно.– И Марина, сидевшая в тупом оцепенении, подумала, что Илья, как всегда, прав: всё ясно.

Илья растерялся (пожалуй, впервые за всю их совместную жизнь). Марина ему возразила – впервые за девять лет! Но как она... Как она сказала! – «Ты меня больше не любишь? Зачем же тогда живёшь со мной?». Илья никогда об этом не задумывался. Он просто не представлял

своей жизни без Марины, как нельзя жить без воздуха. Или – без воды. Или – без солнца. Но ведь солнцу не признаются в любви! И воде. И воздуху. Просто живут...

Он никогда ей не изменял. Ну, было несколько раз (Илья не считал). Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как было у них с Мариной. На дежурный вопрос «ты меня любишь?» Илья каждый раз пожимал плечами: он любил Марину. Разве он мог любить кого-то ещё? Он даже завидовал – сам себе. И как она ему досталась? Как согласилась стать его женой? Ведь отбоя не было от женихов, а она выбрала Илью. Повезло.

Илья не понимал одного: будь на месте Марины другая, она давно бы от него ушла – хватило бы и экстремального медового месяца, который он устроил молодой жене. Не понимал, каким мужеством и терпением обладала его спокойная, молчаливая и уступчивая Марина. Не видел, как трудно она жила.

Ни в чём отказа не знала! Захотела – и поступила в очную аспирантуру. А муж на двух работах вкалывал! Захотела – и получила второе высшее. И диплом переводчика – будьте-насте! Илья ни разу её не упрекнул, он гордился успехами жены, хвастался друзьям. И работать не заставлял – сама захотела!

Марина, на хрупких плечах которой лежало домашнее хозяйство (мама с её больным сердцем и второй группой инвалидности, хотя давно бы надо первую, – мама была не в счёт), видела, что заработков Ильи хватает лишь на то, чтобы сводить концы с концами. Мамина пенсия в расчёт не бралась – почти вся она уходила на лекарства. Разве Илья заслуживает такой вот жизни – от получки до получки? И Марина работала, не жалуясь на постоянную, ставшую уже привычной усталость, и в их доме никогда не было недостатка в деньгах.

Он не заставлял её работать – денег в их доме всегда было достаточно! Она сама захотела. Захотела – пусть работает. О том, как нечаянно выболтал прилипчивой двадцатилетней Катеньке про дочку, целиком свалив её болезнь на жену, Илья старался не вспоминать. Ну, выпили, понятное дело. Сам не помнил, что говорил. А Катенька – хитренькая лисичка – всё выспросила и пообещала, что никому не расскажет. Понимала, что тогда ей Ильи не видать. И вот – никому. Только Марине. Виновнице, так сказать, торжества.

Но Марина-то какова! Другая бы заплакала, а эта: не нравится – никто тебя не держит! Ну, что ж, у него тоже есть гордость, и он такого не стерпит. Соберёт рюкзак – и до свидания. А она ещё будет умолять его остаться. На коленях ползать будет...

Это он зря. Марина никогда и ни перед кем на коленях не ползала. И умолять его не собиралась. – «Тебе вещи помочь собрать, или сам справишься?» – сказала Марина ошеломлённому Илье. Она говорила спокойным доброжелательным тоном, но на Илью словно плеснули кипятком.

Через минуту он бестолково метался по квартире, собирая вещи. «А ты чего сидишь, как в гостях? – бросил на ходу Марине. – Бери чемодан, собирай вещи. Да аккуратно складывай, не пихай!» – И Марина складывала, тщательно расправляя на сгибах, его рубашки, свитера, костюмы... Марина сама покупала мужу одежду, и Илья всегда был одет красиво и стильно. Креативно, как оценили сотрудники у него на работе – и Илья был польщён. И гордился женой...

Чемодан уже был полон, и Марина взяла второй. На одной из рубашек была оторвана пуговица, и Марина, извинительно улыбнувшись мужу – «Я сейчас, я быстро!» – взялась за иголку, не замечая удивлённых глаз Ильи.

Марина «вошла во вкус»... Притащив из ванной стремянку, сняла со стены старинные часы с тяжелым маятником и двумя бронзовыми гирьками в форме шишек на бронзовых же длинных цепях. Часы в дом принёс Илья – на Новый год.

– Бронза. Антиквариат! – с гордостью объявил жене Илья. – Представляешь, какой-то идиот сдал в комиссионный. А они – идут!

Часы не просто шли: они отбивали каждый час – громко и торжественно. И Марина, просыпавшаяся каждый час, думала, что тот, кто отнёс их в комиссионку, вовсе не был идиотом...

Анечке очень нравились папины часы, и маятник, ходивший за стеклом – туда–сюда, туда–сюда! И бронзовые шишечки–гирьки. А когда часы принимались громко отбивать время, девочка запрокидывала светловолосую головку и заразительно смеялась, и Марина с Ильёй смеялись вместе с ней.

Часы в чемодан не помещались, и их пришлось упаковать отдельно. Так. Что там ещё? – оглядевшись, Марина сняла со стены увесистые гантели (нет, всё–таки они для неё слишком тяжелые, а вот Илье – в самый раз!). Улыбнувшись Илье одной из своих самых оболъстительных улыбок, Марина сунула гантели в чемодан и, прижав коленкой, затянула тугие ремни. Илье вдруг захотелось схватить её за голые колени и сгрести в охапку, и он едва пересилил себя.

– Мариночка, ну зачем ты... Я же так, пошутил неудачно, я же не всерьёз! – попытался остановить жену Ильи. – И с чемоданом пошутил... Он же неподъёмный!

Марина с улыбкой подняла оба чемодана (*и впрямь неподъёмные*) и сделала несколько шагов к дверям (*не зря она занималась с гантелями и кольцами!*). Поставив чемоданы на пол, Марина настежь распахнула входную дверь: «Кало таксиди!» (Она никогда не позволяла себе такого с Ильёй, говорила только на русском, но он без перевода понял, что ему пожелали счастливого пути.)

Илья ушёл и больше не появлялся в их доме. И не просто ушёл, а отсудил четверть квартиры в старом доме на Сретенке (стены полуметровой толщины, лепные высокие потолки, огромная – шесть квадратных метров – ванная комната, кухня, столовая, библиотека, кабинет отца...).

Квартиру пришлось разменять. На переезд у них с мамой ушли почти все оставшиеся деньги. Один пузатый старинный буфет чего стоил! – «Легче слона поднять» – заявили грузчики. Квартира принадлежала родителям Марины, и Илья не имел к ней никакого отношения. О том, что – имел, и всё в квартире куплено на его деньги, и ребёнок в интернате тоже содержался на деньги Ильи, – Марина узнала в суде.

Ещё она узнала, что она, Марина, учась в очной аспирантуре, ничем не обеспечивала дочь, да и себя не обеспечивала. Марина вспомнила, как проводила ночи за пишущей машинкой, корпя над ненавистными переводами, когда сами собой закрывались глаза и падали из рук толстые, объёмистые словари. Технические переводы – это вам не пельмени лепить... Марина тогда зарабатывала не меньше Ильи. И пельмени, кстати, тоже лепила – Илья любил домашние...

Марина ничего не смогла доказать. Как–то так получалось у судьи, что прав был Илья. Илья, который когда–то не мог без неё жить. И для них с мамой наступили тяжёлые времена.

Глава

VI

. Тяжелые времена

Бедное деревце

После разрыва с Ильёй Марине не хотелось жить. Она чувствовала себя маленьким одиноким деревцем, которое заботливо растили, радуясь каждому зелёному листочку. А потом взяли и безжалостно обрубили все веточки – по одной. Отец. Анечка. Илья... Деревцу было больно, но оно не умело плакать и умирало молча. Только одна веточка ещё жила, но и она была безжалостно надломлена – Анечка. Анечке без неё конец. Значит, придётся жить.

Жить приходилось трудно. В ***ском музее, где работала Марина, платили минимальную зарплату, премий не было вовсе. Но Марина не хотела увольняться (хотя из музея ушли многие...). Она искусствовед, не на рынке же ей торговать? Выручала подработка в издательстве: Марина брала на дом переводы (за которые платили сдельно). Переводов было мало, но именно они спасали их маленькую семью от окончательной нищеты.

Анечке исполнилось десять. Она росла с нежным, любящим сердцем и обожала маму и бабушку. Видя, как Марина собирается в магазин, девочка серьёзно ей говорила: «Береги кошелёк, мамочка. А то отнимут!» (Более сложные предложения у Ани не получались, но Марина упорно с ней занималась). – «Кто отнимет?» – «Воры. Ты держи его крепко–крепко. Тогда не отнимут. И купи мне сникерс. Он вкусный».

И Марина каждый раз покупала дочке сникерс, хотя денег едва хватало, и они с мамой «сидели на диете», питаясь одной картошкой. Макароны были праздничным блюдом, потому что стоили дороже. Мясо покупали не чаще раза в месяц и крутили котлеты, щедро добавляя в фарш размоченный хлеб.

Только Ане, которую на выходные привозили из интерната домой, ни в чём не было отказа. За содержание девочки в интернате платила Марина: Илья, казалось, забыл о том, что у него есть дочь. А Марина жила только ради дочери, давно махнув на себя рукой. Она похудела и выглядела старше своих лет. Илья не звонил и даже денег на ребёнка не присылал.

– Подавай в суд на алименты, не будь такой душой! – говорила Марине мать. – Гордостью ребёнка не прокормишь.

Марина молчала (она всегда молчала, твёрдо усвоив уроки отца: «Родителей надо слушать молча»), но заявления на алименты не подавала. Снова в суд? Да ни за что она туда не пойдёт. Она там уже была...

Марина работала на износ, одна за троих (мамина пенсия не в счёт). Приходила с работы и сидела над переводами, до поздней ночи, печатая текст на машинке. Почерки в рукописях попадались такие, что от них рябило в глазах...

Мать Марины словно не замечала, как дочь выбивается из сил, стремясь спасти их маленький мирок – всё, что у неё осталось. Мать жила в каком–то оцепенении. «Ба, расскажи сказку» – приставала к ней Анечка. София рассказывала внучке её любимую сказку «Волк и семеро козлят». И Аня, которой уже исполнилось двенадцать, пугала бабушку, приставив пальцы ко лбу и изображая рогатую козу: «Бу–уу!» По развитию она была на уровне пятилетнего ребёнка.

– Сдала бы ты её в специнтернат, пусть бы там жила, там ведь все такие, как она, – говорила мать. Но Марина и слышать об этом не хотела: она любила дочь. – «Ничего, проживём как–нибудь. Я справлюсь!» – говорила матери Марина. После развода с мужем она даже отпуск не брала ни разу. Поблекла её красота, запали щёки, погасли глаза. Только волосы, когда Марина распускала их на ночь, тяжелыми густыми прядями сбегали по спине. Марина с грустью смотрела в зеркало – и не узнавала себя. «Хорошо, что Илья не видит меня такую. А Анечке – всё равно. Я нужна ей любая».

«И жили они долго и счастливо...»

Анечка, по уму пятилетняя, в свои двенадцать лет расцвела и очень походила на Илью: пшеничные волосы, синие веселые глаза. Марина с удовольствием возилась с дочкой, заплетала ей затейливым колоском косы, красиво одевала. А вместо сказок читала «Легенды и мифы Древней Греции» Куна. Легенды были красивые. Через год Аня знала их наизусть и, перебивая Марину, принималась рассказывать сама, придумывая неожиданные концовки (и Марина торжествовала: что там говорили врачи о проблемах с памятью и недоразвитии познавательного интереса?) Анечка жалела Андромаху – каково ей, бедной, без Патрокла... Девочка морщила лоб и выдавала: «Патрокл умер, а потом поел яблок молодильных и ожил, и жили они долго и счастливо, и умерли в один день!». Марина смеялась до слёз. Она понимала дочку, которая всем хотела помочь. Но жизнь – не сказка. – Андромаха навек простилась с Патроком. Как Марина с Ильёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.